

IJTIMOYIY-GUMANITAR SOHADA ILMIY-INNOVATSION TADQIQOTLAR

ILMIY METODIK JURNALI

VOL.3 № 1

2026

XX ASR OXIRI RUS NASRIDA PSIXOLOGIZMNING O'ZIGA XOS XUSUSIYATLARI (D. GRANIN QISSALARI MATERIALIDA)

Bokareva Marina Aleksandrovna

Buxoro davlat universiteti Rus tili va adabiyoti kafedrasida katta o'qituvchisi

Annotatsiya

Ushbu maqola psixologizmning adabiyotda badiiy uslub sifatida evolyutsiyasini ko'rib chiqadi, klassik rus va jahon adabiyotining "ruh dialektikasi" ni gavdalandirishdagi yutuqlarini tahlil qiladi. Qayd etilishicha, psixologizm xarakterlarning ichki kechinmalariga urg'u berib, aniqdan tortib to yashiringacha turli ko'rinishlarda namoyon bo'ladi. Qahramonlarning ichki dunyosi va hissiy holatini chuqurroq anglash imkonini beruvchi ichki monologning roliga alohida e'tibor qaratilgan. Bu realistik va modernistik nasrda qo'llaniladigan asosiy vositadir. Maqolada avangard yozuvchilarning tanqidiga qaramay, adabiyotda psixologik tahlilning ahamiyati ta'kidlanadi va psixologik konfliktlarga qiziqish tufayli badiiy tuzilmadagi o'zgarishlarga ishora qilinadi. Ichki monolog sub'ektiv voqelikni va inson ongining murakkabligini etkazish imkonini beruvchi noyob adabiy vosita hisoblanadi.

Kalit so'zlar: Diskurs, xarakter, ichki monolog, psixologik jihat, metod, realizm, aks ettirish

ОСОБЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЗМА В РУССКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XX ВЕКА (НА МАТЕРИАЛЕ ПОВЕСТЕЙ Д. ГРАНИНА)

Бокарева Марина Александровна

старший преподаватель кафедры русского языка и литературы Бухарский Государственный Университет

Аннотация

В данной работе рассматривается эволюция психологизма как художественного метода в литературе: анализируются достижения классиков русской и мировой литературы в воплощении «диалектики души». Отмечено, что психологизм проявляется в различных формах, от явного до неявного, с акцентом на внутренние переживания героев. Особое внимание в статье уделяется роли внутреннего монолога, позволяющего глубже понять внутренний мир персонажей и их эмоциональные состояния как ключевого приема и используемого как в реалистической, так и в модернистской прозе. Статья подчеркивает важность психологического анализа в литературе, несмотря на критику авангардистов, и указывает на изменения в художественной структуре, вызванные интересом к психологическим конфликтам. Внутренний монолог рассматривается как уникальный литературный прием, позволяющий передать субъективную реальность и сложность человеческого сознания.

Ключевые слова. Дискурс, персонаж, внутренний монолог, психологический аспект, метод, реализм, рефлексия

FEATURES OF PSYCHOLOGISM IN RUSSIAN PROSE OF THE LATE 20TH CENTURY (BASED ON D. GRANIN'S NOVELLAS)

Bokareva Marina Aleksandrovna

Senior Lecturer, Department of Russian Language and Literature, Bukhara State University

Abstract

This paper examines the evolution of psychologism as an artistic method in literature, analyzing the achievements of classic Russian and world literature in embodying the "dialectic of the soul." It is noted that psychologism manifests itself in various forms, from explicit to implicit, with an emphasis on the characters' inner experiences. Particular attention is paid to the role of internal monologue, which allows for a deeper understanding of the characters' inner world and their emotional states. It is a key device used in both realistic and modernist prose. The article emphasizes the importance of psychological analysis in literature, despite criticism from avant-garde writers, and points to changes in artistic structure caused by an interest in psychological conflicts. Internal monologue is considered a unique literary device that allows for the conveyance of subjective reality and the complexity of human consciousness.

Keywords: Discourse, character, internal monologue, psychological aspect, method, realism, reflection

Одним из актуальных вопросов как классического, так и современного литературоведения остается проблема психологизма в художественном дискурсе. Данная полемичная тематика чаще всего рассматривается в аспекте характеристики персонажей. Целостная структура персонажа позволяет выявить и проанализировать его внешние факторы (портрет), а также обнаружить особенности внутренней стороны. Детальная характеристика персонажа складывается из совокупности элементов, раскрывающих внутренний мир героя. Важнейшим аспектом в этом процессе является способность и возможности художественного дискурса воспроизводить человеческое сознание. Внутренняя жизнь персонажа, охватывающая намерения, мысли, осознаваемые эмоции, а также область бессознательного, отражается в художественных произведениях различными способами. К примеру, в фольклоре и античной литературе она передается не прямо, а скорее опосредованно: психологическое состояние героев, мотивация, любые душевные или сознательные процессы обусловлены течением событий. Потому могут выражаться через различные физические проявления: слабость, бледность, дрожь и проч. Средневековое искусство стало уделять внутренним процессам больше внимания в связи с эстетическим переосмыслением и открытием всей сложности и противоречивости человеческой природы. С развитием общества и культуры возрастает внимание литературы к перипетиям эмоциональных и душевных движений человеческой личности. В этой связи стоит сказать о творчестве У. Шекспира, эмоциональная сфера героев которого отличается глубочайшей, невероятно сложной, часто таинственной психологической организацией.

Литература и методология. Именно такое эстетическое исследование внутреннего мира персонажа как личности принято определять как метод психологизма, который представляет собой индивидуализированное изображение переживаний в их взаимосвязи, динамике и уникальности. [8, с. 110] Как отмечала Л.Я. Гинзбург, психологизм по своей сути противостоит рационалистической схематизации внутреннего мира, характерной, например, для противопоставления страсти и долга в классицизме или чувствительности и холодности в сентиментализме. По ее мнению, «литературный психологизм начинается <...> с несовпадений, с непредвиденности поведения героя». [3, с. 12]

Наивысшего расцвета психологизм как художественный метод достиг в эпоху критического реализма XIX века. В русской литературе его вершины воплощены в творчестве Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского, в зарубежной — в произведениях О. де

Бальзака, Т. Драйзера и других авторов, которые глубоко художественно осмыслили и воплотили так называемую «диалектику души». В их романах и повестях с непревзойденной полнотой и детализацией воссозданы процессы зарождения мыслей, чувств и намерений, их сложное переплетение и взаимодействие, подчас прихотливое и противоречивое. Современные критики особо подчёркивали мастерство этих писателей в изображении того, «как одни чувства и мысли развиваются из других; <...> как чувство, возникшее из непосредственного впечатления или ситуации, под влиянием воспоминаний и ассоциаций, рождаемых воображением, трансформируется в иные переживания, чтобы вновь вернуться к исходной точке и продолжить своё сложное движение». [8, с. 337] По мысли М.М. Бахтина, художественной доминантой романов Ф.М. Достоевского явилось самосознание героя-идеолога, который «фигурирует не как человек жизни, а как субъект сознания и мечты», пребывающий в «подполье»: «видение автора направлено именно на его самосознание и на безысходную незавершимость, дурную бесконечность этого самосознания». [1, с. 239]

Психологизм в литературе проявляется в разнообразных формах. Явный, или «демонстративный», психологизм характерен для творчества Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, а в XX веке – для произведений М.А. Шолохова и У. Фолкнера. Напротив, неявный, «подтекстовый» психологизм, при котором внутренние импульсы и переживания персонажей лишь угадываются, преобладает в повестях, рассказах и драмах А.П. Чехова, где эмоциональные состояния героев часто обозначаются бегло и косвенно. Подобный тип психологизма получил развитие не только в художественной прозе XX века, например, в работах И.А. Бунина, М.М. Пришвина и М. Пруста, но и в лирической поэзии, особенно в стихотворениях И.Ф. Анненского и А.А. Ахматовой. В их творчестве, как точно отметила Н.В. Недоброво, даже самые обыденные впечатления пронизаны «душевыми излучениями». [7]

Результаты. Ресурсы художественных приемов и способов для раскрытия внутреннего мира человека отличается значительным разнообразием. К ним относятся как описания впечатлений персонажа от окружающей действительности, так и краткие указания на душевные движения, развернутые характеристики эмоциональных состояний, внутренние монологи, а также изображение снов и галлюцинаций, обнажающих бессознательные, подсознательные пласты психики – словом, все то, что скрыто в ее глубинах и остается неведомым самому субъекту.

Ориентация на воссоздание внутренней жизни человека была решительно отвергнута в начале XX века авангардистской эстетикой: свободно самоопределяющаяся личность в близкой ей реальности вызывала устойчивое недоверие. Например, лидер итальянского футуризма Ф.Т. Маринетти призывал «полностью и окончательно освободить литературу от <...> психологии», которая, по его словам, «вычерпана до дна». [6, с. 164-169] Несмотря на данное авторитетное заявление, в модернистской литературе, особенно в прозе, психологизм не раз о себе заявлял. Именно в модернистской прозе – при всех ее модификациях – изошренность психологического анализа, проникновение в «тайники духа» базируются на философских концепциях непреодолимости человеческого одиночества в мире, отражают противоречие между желанием найти выход и невозможностью или незнанием, как его обрести. Авторы погружаются в рефлексию и анализ человеческого сознания – единственной реальности, от имени которой, по мнению писателей, нужно говорить, которую можно изображать. Ясность исследовательского понимания закономерностей жизни логично приводит к ясности художественной формы, к детерминированной опоре на объективный ряд. Все многочисленные приемы глубинного проникновения в психологию личности вписаны в

современной прозе в систему реалистических координат, вследствие чего если и раскрывают психологическую сложность живых характеров, внутреннюю насыщенность реальности, но далеко не всегда конкретно описывают конкретный, социально объясненный мир. Таким образом, интерес к диалектике духовной жизни личности, к психологическим конфликтам вызвал значительные изменения в самой художественной структуре современного прозаического дискурса. В частности, развивается и активно используется авторами прием внутреннего монолога.

Понятие «внутренний монолог», как известно, был введен в обращение в критике Н.Г. Чернышевским для определения творческой манеры Л. Толстого. И если Чернышевский в свое время говорил об «изображении монолога», [9, с. 337] современная проза тяготеет более к «выражению» его, к прямому высказыванию, когда автор совершенно не идентифицируется, никак не выражает своего мнения, давая возможность высказаться персонажу. Более того, такой внутренний монолог героя возможен в том случае, когда он является, по сути, диалогом с читателем, или даже с самим автором и держится на архетипическом противостоянии «вечных» формул бытия: возникают хорошо проработанные в литературе бинарные оппозиции добра и зла, памяти и забвения, тезиса и антитезиса, материальной реальности и интуитивного бессознательного. Сложность внутреннего монолога модернистского произведения часто состоит в его наложении на «поток сознания», который является едва ли не доминирующим приемом прозы. По наблюдению В. Днепров, у писателей-модернистов «поток сознания» становится «началом замкнутого стиля, формой-прообразом», в то время как в реалистическом произведении прием внутреннего монолога обычно применяется в момент изменения душевного состояния персонажа, т.е., в реализме – это один из многих инструментов, хотя и весьма убедительный. В модернистском произведении он – доминирующий фактор. Внутренний монолог возникает в процессе спора в герое два или несколько представления, понятия, убеждения, если персонаж ведет напряженный диалог с самим собой или – мысленно – с окружающей реальностью. Повествователь в данном случае акцентирует внимание не на событиях сюжета, а на ощущениях и переживаниях, которые передаются и читателю. Внутренний монолог формирует напряженную интонацию, позволяет сжимать фразу, укорачивать ее при помощи многоточия, драматизируя высказывание. Все, что не выражено словами, отходит на уровень интуиции, перемещается в пространство ощущений. В потоке мыслей персонаж с легкостью перескакивает с одного на другое, пропускает очевидные факты реальности, легко соединяет воспоминания с настоящим и будущим.

Внутренний монолог выявил уникальную, ничем не заменяемую способность литературы в современной системе искусства: ни закадровый голос в кинематографе, ни драма с хором и автором по примеру античности, ставшие вновь популярными в современном театре, не способны должной прямоотой выразить субъективную реальность – то, что действует в сознании персонажа, в пространстве его подсознания, что еще не сублимировалось или не может воплотиться в поступок, в логику межличностного общения. Как и многие направления современного реализма, экзистенциальное направление в своем определении весьма условно. Поскольку оно является частью нового реализма, некоторые исследователи не выделяют его как самостоятельное направление. Мы придерживаемся данной концепции и рассматриваем экзистенциальное направление с опорой на имеющиеся немногочисленные теоретические исследования по проблемам неореализма. [2, с. 197]

Обсуждение. В конце XX века русская проза настойчиво исследовала новый тип человеческого поведения, когда герой, даже ошибаясь, отстаивает право на

самостоятельность, активность своих действий, человеческое достоинство в самой консервативной и трудно поддающейся внешним воздействиям сфере – бытовой. Следовательно, и психологизм в данном контексте должен исследовать ряд специфических вопросов: как, не утрачивая быта, показать бытие; как соединить разнообразие и цельность, многогранность психологических проявлений и ведущие нравственные принципы, богатство жизненных связей и главный смысл человеческого существования? Эти непростые вопросы по-разному решались в конкретной творческой практике. Литература опускалась до бытийных проблем к бытовым вопросам, но эти бытовые вопросы были подняты в лучших произведениях на бытийную высоту, ибо связывались с растущим самосознанием личности, особенно в период после культа личности и с разрушением тоталитарной системы. Свободная личность стремится к такому образу жизни, который отвечает современному уровню труда, духовных запросов и материальных потребностей.

Уже в 1970-1980-е годы интенсивно исследовалось, в частности, соотношение – а, порой, и конфликт – между успехами, данными научно-техническим прогрессом, и нравственностью, не связанной напрямую с этими успехами. Установлено, что данный конфликт имеет глубинные основания. Такого рода конфликты оказались в центре художественного внимания писателя Даниила Гранина, имя которого в современном литературном процессе фигурирует крайне редко.

Стоит сказать, что Д. Гранин – писатель многогранный и плодовитый. Его перу принадлежат произведения различных жанров и форм: так, «Обратный билет» – описание поездки в Старую Русу, город своего детства – проводит историко-литературные преемственные связи, потому что в этом городе Ф.М. Достоевский писал «Братьев Карамазовых». Любовно-бытовая повесть «Дождь в чужом городе» и экзистенциальная повесть «Однофамилец» поднимают нравственную проблематику; героико-трагический пафос звучит в повести «Клавдия Вилор»; наконец, произведения, принадлежащие к жанру документально-биографического повествования («Эта странная жизнь» – о биологе Любищеве, «Повесть об одном ученом и одном императоре» – о французском ученом Араго, киноповесть «Выбор цели» – об академике Курчатове. А также созданная вместе с А. Адамовичем «Блокадная книга» – документальные свидетельства ленинградцев о зиме 1941-1942 годов. В этом ряду стоят также произведения с глубокой философской окрашенностью, не характерной для писателя – роман «Картина» и повести «Ты взвешен на весах», «Еще заметен след» и повесть об ученом «Зубр», экзистенциальный и психологический подтекст в которых просвечивают уже в самих заглавиях. При всем стилевом и сюжетном многообразии этих произведений в центре их чаще всего находились образы реальных людей, в которых Гранин обнаруживал черты высокого служения своему делу, идее, предназначению; людей, живущих на пределе физических и душевных сил – Любищев, Араго, Курчатова, Вилор, ленинградцы-блокадники. Эти реально существовавшие люди служат писателю надежным примером удивительных человеческих возможностей, ведь, по убеждению писателя, «большая часть людей не пробует выйти за пределы своих возможностей, за свою жизнь они так и не пробуют узнать, на что они способны и на что не способны...». [4, с. 101] Наряду с ними возникают выражающие ту же, в сущности, жизненную позицию вымышленные герои – Кузьмин в «Однофамилец», Лосев в «Картине», Волков в повести «Еще заметен след».

Критики и литературоведы повести Д. Гранина нередко называют повестями нравственного эксперимента, что сближает его творчество с творчеством других писателей философского и психологического направления – В. Тендрякова и В. Быкова.

Вместо иллюзии самодвижения жизни в них на первый план выступает решение определенной нравственно-психологической задачи – писатель словно прослеживает, как поведет себя герой, поставленный жизнью в критическую ситуацию, когда неожиданные повороты событий заставляют его бескомпромиссно принимать то или иное решение, совершать тот или иной нравственный выбор на пределе своих нравственных и физических сил. При этом Д. Гранина чаще всего интересуется не столько звездный час ученого, добившегося торжества своей идеи, сколько нравственный климат науки. И побудительной силой является совесть – то нравственное качество, которое означает осознанную ответственность человека не только перед собой, но и перед близкими, обществом, временем.

Поскольку персонаж постоянно находится перед выбором, психологизм чаще всего передается посредством внутреннего монолога, рефлексия и диалог с собой помогают этот выбор сделать. Нравственный выбор – и трагедия и благо: при неблагоприятном исходе приводит к роковым последствиям или смерти, вместе с тем дает выход нравственной активности, заставляет героя отчетливо выделить главную основу своих убеждений, верований, мобилизовать все жизненные силы для реализации своего выбора. Именно в момент выбора или наибольшей нравственной активности, проверяется в человеке цельность его характера. Повести нравственного эксперимента допускают известную условность и выпрямленность действий, смысл которого – обнажить тенденции, а не воспроизводить всю жизненную объемность. Но при этой допустимой условности всем персонажам, как в повестях «Кто-то должен», «Однофамилец», «Еще заметен след», надлежит исполнить свою роль со всей жизненной настойчивостью: поскольку перед нами не поучение, а поучительный нравственный поиск, то успех произведения зависит от искренности, убедительности, значительности поиска. Здесь-то и сказывается чувство меры, художественный вкус, отличающие нравственный эксперимент от плоского мира и открытой назидательности.

Так, в «Однофамильце» личная судьба инженера Кузьмина, неожиданно узнавшего, что его давняя студенческая работа открыла целое научное направление, интересуется Гранина лишь в той мере, в какой она содействует решению вопроса о том, как соотносится наука и нравственность. Это повесть не о судьбе человека, а о судьбе выбора, или, еще точнее, о выборе судьбы. В Кузьмине все сильнее зреет убеждение, что ему не следует теперь менять работу начальника небольшого строительного управления на деятельность в науке: жить в науке ему уже поздно, а быть «при науке» стыдно и недостойно. В этом и состоит главный человеческий выбор. Процесс этого выбора, его логическую и эмоциональную аргументацию неотступно воссоздает Д. Гранин.

Дальнейшее развитие тех идей, которые волновали писателя, можно видеть в романе «Картина». Главный герой – государственный чиновник, функционер Лосев – является сквозным продолжением и наследником других персонажей Гранина – Лобанова из «Искателей», Крылова из романа «Иду на грозу». Но это герой, живущий и отстаивающий свои убеждения уже в новых исторических условиях. На первый взгляд он типичный «деловой человек». С великолепным знанием дела, автор подробно показывает «технологии производства» своего героя со всеми находчивыми решениями, служебными компромиссами, престижными страстями и т.п. И конфликт романа, казалось бы, сугубо производственный: где строить филиал завода вычислительной техники. Но вместо того, чтобы по законам жанра индустриального романа форсировать производство, бороться с ретроgrадами, Лосев ратует за гуманистическое, лишенное, на первый взгляд, прямого практического смысла решение: сохранить уголок памятника нетронутой природы Жмуркину завод и памятник культуры Дом Кислых, перенеся с

этой площадки запланированное строительство завода. И эта гуманистическая суть конфликта стала тем первостепенно важным вкладом, который внес роман Д. Гранина в традиционные коллизии «индустриальной прозы», в том числе и собственных произведений. Духовный порыв Лосева сохранить красоту стал своего рода вызовом прагматизму «деловых людей», свойственному герою в начале романа. Обновленный Лосев сумел отстоять эти памятники, но вынужден был уйти со своей должности: подобные «проколы» с переносом строительной площадки руководителям не прощаются. Лосев знал об этом исходе своего жизненного боя, и именно потому, что он вышел на бой, сознательно представляя исход, он и стал такой значительной фигурой.

Более того, во время поездки Лосева с Таней они заходят в церковь и там встречают священнослужителя – «ересиарха», чья ересь заключается в том, что он предложил поменять рай и ад местами. Если праведник будет знать, что его ждет не награда за праведничество, а страдание, то только истинно праведные люди будут следовать своему душевному зову. И это неожиданное умозаключение бросает дополнительный блик на поведение Лосева, выводя его поступок за рамки локального события, погружая в общечеловеческую проблему бескорыстия.

Так естественно смыкается традиционное для русской литературы второй половины XX века представление о человеке-борце, ищущем до конца в реальном осуществлении своих убеждений, и общая «глобальная» идея бескорыстия, праведничества, готовности принять любые страдания за свою идею. Социально-нравственный роман зримо обретает черты романа нравственно-философского. В сущности, Гранин приемлет как вековечный закон истории то, что в ней непременно торжествует оптимистическое начало, но далеко не обязательно этому сопутствует личное торжество. Удел и счастье борца – сознание выполненного долга, а не полученная в результате награда. Поскольку настоящий герой проявляет себя в испытаниях, в трудностях, то мерой его «золотого обеспечения» и является прежде всего мера осмысления им происходящего, мера его стойкости, его способности следовать своему предназначению.

В письмах художника Астахова в «Картине» писатель снова возвращается к этой мысли: «Старая, как мир, проблема перед каждым встает: поступишь – получишь при жизни славу, деньги; сохрани себя, стой на своем – тогда терпи и хулу, и бедность, в будущем признают тебя и воздадут...» [5, с. 197] это все та же категоричность, нравственная бескомпромиссность, которая особенно внятно звучит в словах лосевского оппонента Рогинского: «Все предопределено. В наше время действия отдельного человека ничего не могут изменить... действует порядок, независимый от нас, как Солнечная система». [5, с. 73] Независимый от нас порядок – это слабое утешение для тех, кто и не желает изменять его. Ибо действия отдельного человека, направленные на достижение общей цели, становятся преобразующей силой. И спор Лосева с Поливановым тоже не сводится только к оценке действий Поливанова в годы репрессий, а представляет собой «глобальные раздумья» о трудных путях человека в реальной истории, о его ориентации в историческом потоке – одно из ответвлений «общечеловеческого» спора о детерминированности и свободе выбора. Острота поставленных вопросов, драматизм развития действия, убеждающая логика поведения Лосева – все это сделало «Картину» одним из заметных явлений прозы философско-психологического направления.

Заключение. Среди творческих тенденций, закрепленных в практике современных писателей, преимущественно воспринятых от авторов конца XX века, в первую очередь явилось усиление эпического начала, подкрепленного глубоким

психологизмом, т.е. ориентация на создание «эпоса частной жизни». Значительно возрос психологизм в изображении внутреннего мира героя с широким использованием внутреннего монолога, исповеди и других приемов прозы. Несомненно, крепкая философская и интеллектуальная насыщенность прозы обусловила развитие многообразных реалистических художественных форм, в том числе, условно-гротесковых, а также исторической и художественно-документальной прозы, способной соединять разные эпохи и в эстетически действенной образной системе развивать актуальные историко-философские концепции. Но, пожалуй, наиболее заметными оказались целеустремленные попытки выработать новые приемы и средства художественного воплощения кардинальных проблем современности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин М.М. Проблемы поэтики Достоевского/М.М. Бахтин - «Эксмо», 1929, 1963 (Библиотека всемирной литературы (Эксмо)), 2017, 302 с.
2. Бокарева М.А. Пути развития русского реализма рубежа XX-XXI веков: от соцреализма до экзистенциального постреализма/ Научный Вестник Бухарского Государственного Университета. *Ilmiy-nazariy jurnal* 2023, № 3. С. 196-203
3. Гинзбург Л.Я. О лирике. изд-во «Советский писатель», 1974, 408 с. С. 12
4. Гранин Д. Эта странная жизнь. Сборник. Серия «Почетные доктора университета». - СПбГУП, 1998. – с. 101-264
5. Гранин Д. Картина. Роман. Л.: Советский писатель (Ленинградское отд.), 1981. 352. – С. 197
6. Маринетти Ф. Т. Технический манифест футуристической литературы// Называть вещи своими именами: Программные выступления мастеров западноевропейской литературы XX века. М.: Прогресс, 1986. - С. 164-169.
7. Недоброво Н.В. Анна Ахматова. Pro et contra /Антология. Том 1. Серия "Русский путь". С.-Пб., Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 2001/ http://az.lib.ru/n/nedobrowo_n_w/text_1915_akhmatova.shtml
8. Хализев В.Е. Теория литературы: Учеб. для студентов вузов / В. Е. Хализев. - 3. изд., испр. и доп. - Москва: Высш. шк., 2002. - 436, [1] с.
9. Чернышевский Н.Г. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 3. М., 1974. С. 337